

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-4-82-87–101

О ПОЯВЛЕНИИ САРИССЫ В МАКЕДОНСКОМ ВОЕННОМ ОБИХОДЕ

А.А. Клейменов

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия

E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7123-0378

Аннотация. В статье рассматриваются время и обстоятельства появления сариссы на вооружении представителей македонской фаланги. Этот тип пехотного копья длиной значительно превосходил традиционное гоплитское древковое оружие, наделяя обладателей преимуществом в дистанции воздействия. Кроме того, сарисса требовала нехарактерного для эллинской военной практики двуручного хвата и перехода к использованию нового варианта щита. Процесс внедрения сарисс очень скупо освещен в письменных источниках и, ввиду отсутствия подробных описаний этого оружия, не может быть уверенно отследен в археологических материалах. Тем не менее определено, что предположение о появлении сариссы в арсенале македонской пехоты лишь к концу правления Филиппа II малообоснованно. Согласно информации, восходящей корнями к утраченному сочинению Эфора, сариссы были частью экипировки фалангитов Филиппа уже на начальной стадии его правления. Это заключение хорошо соотносится и с обстоятельствами первой победы Филиппа над иллирийцами, достигнутой, по указанию источников, с помощью отборных подразделений пехоты. Рассмотрение сведений о реформаторской деятельности Ификрата, подразумевавшей вооружение наемников более длинными копьями, показывает, что убедительных оснований считать афинского полководца настоящим создателем сарисс нет. Схожий вывод сделан применительно к гипотезе о заимствовании Филиппом длинных двуручных копий у фракийцев. Ее явными недостатками являются отсутствие убедительных археологических свидетельств и плохое соответствие особенностям военного дела фракийцев, не имевших аналогов македонской фаланги и вряд ли нуждавшихся в громоздком оружии, эффективном лишь в плотных боевых порядках. Данные источников, анализ терминологии, учет условий и обстоятельств создания новой македонской «военной машины» позволяют заключить, что наиболее обоснованным является мнение, согласно которому сарисса была создана именно в царстве Аргеадов на начальном этапе военных преобразований Филиппа.

Ключевые слова: сарисса, фаланга, Филипп II, Македония, Александр Македонский, Ификрат, фракийцы

Данные об авторе. Александр Анатольевич Клейменов – доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии ТГУ им. Л.Н. Толстого.

В исторической науке существует немало проблем, значимость которых обратно пропорциональна степени информированности современных исследователей, определяемой, конечно, состоянием источниковой базы. В некоторых случаях она чрезвычайно бедна и не позволяет дать однозначные ответы на важные вопросы, превращая поле их обсуждения в настоящее ристалище, где регулярно проходят поединки разнообразных и порой взаимоисключающих трактовок и гипотез. Пусть это прозвучит несколько иронично, но особенно много подобных «полей сражений» в истории античного военного дела, изучаемого по сохранившимся осколкам греко-римского письменного наследия и часто неоднозначным археологическим данным. К числу очень сложных вопросов, несомненно, относятся обстоятельства и предпосылки появления в арсенале македонской армии времен великих завоеваний IV в. до н.э. сариссы – предмета вооружения сколь значимого, столь и загадочного.

1. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ САРИССЫ И ВРЕМЯ ЕЕ ПОЯВЛЕНИЯ В МАКЕДОНСКОМ АРСЕНАЛЕ

Прежде всего, нельзя не отметить, что древковое оружие македонских фалангитов, обозначаемое в античной письменной традиции как $\sigma\acute{\alpha}\rho\iota\sigma\alpha$ или $\sigma\acute{\alpha}\rho\iota\sigma\alpha$, было по-настоящему ярким элементом экипировки. Первой и основной особенностью этого копья являлись внушительные размеры. Так, согласно сообщению Теофраста, являвшегося современником азиатской экспедиции Александра, наиболее длинные сариссы были в 12 локтей ($\pi\acute{\eta}\chi\epsilon\omega\varsigma$) (Hist. plant. III. 12. 2). Близкие данные приводит Асклепиодот, указывающий, что габариты этого оружия составляли от 10 до 12 локтей (Tact. 5. 1). По сведениям Полибия, описывающего события II в. до н.э., вначале сариссы имели 16 локтей в длину, но затем были укорочены до 14 (XVIII. 29. 2). Эта информация достаточно хорошо соотносится с данными Элиана (Tact. 14; ср. 12) и Полиэна (II. 29. 2). Арриан, в свою очередь, определяет длину сарисс в 16 «футов» ($\pi\omicron\delta\acute{\omicron}\varsigma$) (Tact. 12. 7). Разные подходы к определению значений указанных единиц измерения и интерпретации получаемых размеров на предмет реалистичности привели к большому разбросу мнений о длине сарисс времен великих завоеваний. Так, В. Рюстов и Г. Кехли, отмечая тяжесть и крайнюю непрактичность излишне длинных копий, предположили, что в античных сочинениях «локти» указаны ошибочно вместо «футов», благодаря чему определили длину сарисс в 4,2–4,8 м¹. У. Тарн, акцентируя внимание на значительной мобильности пехоты Александра, выдвинул гипотезу, согласно которой для обозначения габаритов сарисс в источниках применялись некие короткие «македонские локти», а реальная длина оружия во времена Восточного похода была около 4 м². По наиболее распространенным оценкам современных исследователей, опирающихся на «классическую» аттическую систему мер, в эпоху Александра сариссы фалангитов имели длину от 4,5 до 6 м³. Большой размер неизбежно определил другую особенность сариссы в виде двуручного хвата, связанного, в свою очередь, с переходом к новому, нетипичному для греческой военной

¹ Rüstow, Köchly 1852, 238–239.

² Tarn 1930, 15–16.

³ Markle 1977, 323; Noguera Borel 1996, 839–842; Matthew 2012, 97; Campbell 2016, 52.

практики способу ношения щита. Из древних авторов на него прямо указывает лишь Плутарх, согласно которому применение сариссы требовало обеих рук, и, соответственно, отказа от рукояти щита в пользу плечевого ремня (Cleom. 11; ср. Plut. Aem. 19). К этому также можно присовокупить указание Асклепиодота (Tact. 5. 1) на наиболее подходящий воинам фаланги щит македонского типа, не слишком выпуклый и имеющий размер в 8 «ладоней» (παλαστή). Аналогичный размер щита фалангитов упоминает и Элиан (Tact. 12). Эти данные, а также присутствующие в археологическом материале эллинистического времени специфические бронзовые накладки на щиты позволили сделать заключение о наличии у пеших сариссофоров щита, который имел в диаметре всего 60–70 см и, закрепляясь на предплечье воина и плечевом ремне, оставлял кисть левой руки свободной⁴. Отличие этого элемента защитной экипировки от более крупных гоплитских образцов подтверждается и терминологией: в письменной традиции для обозначения данной части снаряжения воинов македонской фаланги весьма часто используется слово «пельта» (πέλτη), которое, как правило, служило для наименования щитов, уступавших гоплитским в размере и весе⁵.

Особый вариант пехотного копья и связанные с ним изменения в облике защитного снаряжения сделали македонского фалангита отличающимся от эллинистических тяжеловооруженных пехотинцев не только по внешним признакам. Как неоднократно отмечалось в литературе, переход к использованию сарисс обеспечил боевое превосходство македонской фаланги над греческими гоплитами, имевшими более короткие копья и потому способными поражать противника с гораздо меньшей дистанции⁶. В этой связи особенно интересна ситуация, сложившаяся в античном нарративе, освещающем военные события эпохи установления македонской гегемонии, где и момент появления сарисс, и их влияние на ход боевых столкновений не выделяются. Относительно времен Филиппа точную хронологическую привязку имеет лишь одно сообщение о сариссе как части македонского комплекса вооружения. Оно относится к знаменитой битве при Херонее 338 г. до н.э. и содержится в историко-литературном наследии Плутарха (Pelop. 18), который в рассказе о боевых качествах фиванского «Священного отряда» упомянул, что в сражении с Филиппом представители этого подразделения грудью встречали удары сарисс (σαρίσαις). Напротив, в нарративе, освещающем военные события времен Александра, упоминания сарисс как элемента вооружения македонской пехоты носят регулярный характер. Так, сариссы фигурируют в рассказе Арриана о первой самостоятельной кампании Александра на Балканском полуострове 335 г. до н.э. (см. Anab. I. 2. 1), а применительно к событиям Восточного похода их упоминают все основные источники (см. Arr. Anab. III. 14. 3; Diod. XVII. 57. 6; 58. 3; 84. 4; 88. 2; 100. 6; Curt. IX. 7. 19).

Преодолеть недостатки письменной традиции посредством привлечения археологического материала в данном случае невозможно. Причиной является от-

⁴ Snodgrass 1967, 117–118; Griffith 1981, 161; Cascarino 2011, 105–110; Karunanithy 2013, 188; Кузьмин 2010, 2. У.К. Притчетт сделал предположение о несколько большем размере македонского щита (80 см в диаметре) при принятии общей концепции использования (Pritchett 1971, 148–150). Принципиально иное мнение по данному вопросу и доводы в пользу применения македонскими пехотинцами типичных для гоплитов щитов аргивского типа см.: Anderson 1976, 5–6.

⁵ Подробнее об этом: Liampi 1998, 7–17; Matthew 2015, 73–75.

⁶ Griffith 1979, 421; Markle 1982, 94; Hammond 1994, 19; English 2009, 43–44; Борза 2013, 265.

сутствие в античном нарративе сколь-нибудь подробных описаний конструктивных особенностей сарисс. По сути, в нашем распоряжении есть лишь указание Плутарха на способность сариссы легко пробивать щиты и панцири (см. Аем. 20) и сообщение Граттия Фалиска о сравнительно небольшом размере ее наконечника (Суп. 117–120). Кроме того, имеющиеся немногочисленные находки можно интерпретировать весьма вариативно. Д.М. Робинсон идентифицировал как части сарисс небольшие (13,5 см) железные наконечники копий, обнаруженные возглавляемой им экспедицией в разрушенном Филиппом II Олинфе⁷. Согласие с этим выводом, подразумевающим использование сарисс в 348 г. до н.э., высказано в фундаментальной работе Э.М. Снодрасса⁸. Данное заключение было признано допустимым и в некоторых более поздних исследованиях⁹. Также с сариссами сопоставлялись более длинные (до 31 см) наконечники, обнаруженные на месте битвы при Херонее¹⁰. Большую известность получил вывод греческого археолога М. Андроникоса, который определил как детали сариссы крупный (51 см) и тяжелый (1,235 кг) листовидный железный наконечник копья, а также массивный четырехлопастной бронзовый вток (44,5 см в длину при весе 1,070 кг), найденные в непосредственной близости от знаменитой Гробницы №2 в Вергине¹¹. Эта интерпретация встретила широкий отклик в научной среде. Наиболее подробные доводы в пользу того, что именно описанные М. Андроникосом артефакты, а не уступающие им в размерах находки более раннего времени являются частями сариссы, привел М.М. Маркл¹². Авторы большого количества работ согласились с данным вариантом идентификации археологического материала¹³. Впрочем, и это мнение, несмотря на свою распространенность, далеко не однозначно. Так, К.А. Мэттью пришел к выводу, согласно которому найденный М. Андроникосом четырехлопастной вток действительно принадлежал сариссе, но наконечник опознан неверно, так как в реальности эта часть македонского длинного копья явно обладала меньшим размером¹⁴. Н. Секунда, обратив внимание на сообщение о большой проникающей силе сарисс, изображения копий на памятниках искусства и практику использования пехотных пик XVI–XVII вв., отметил, что сариссы должны были иметь сравнительно узкий наконечник и небольшой вток. Исследователь определил найденное М. Андроникосом копье как церемониальное и констатировал отсутствие возможности выделить из массы находок наконечников позднеклассического и эллинистического времени уверенно идентифицируемые части сарисс¹⁵. Признавая эти критические замечания обоснованными, следует подчеркнуть, что сейчас невозможно выделить явные археологические маркеры, свидетельствующие о наличии сарисс на том или ином датированном памятнике.

⁷ Robinson 1941, 412–413.

⁸ Snodgrass 1967, 119.

⁹ Griffith 1979, 418–428; Lee 2001, 20.

¹⁰ См. Sotiriades 1903, 309; Champion 2009, 24.

¹¹ Andronicos 1970, 98–101.

¹² Markle 1977, 325–326.

¹³ К примеру: Head 1982, 105–106; Ducrey 1985, 87–88; Bosworth 1988, 260; Mixter 1992, 23; Heckel, Jones 2006, 13–14; English 2009, 20; King 2017, 110–111. О возможном соотношении находок из Вергины с наконечниками, найденными у Херонее см.: Ma 2008, 75.

¹⁴ Matthew 2015, 48–49.

¹⁵ Sekunda 2001, 13–22.

Источниковая ситуация, конечно, в значительной степени затрудняет исследование проблемы появления сариссы в обиходе македонской армии времен Филиппа II. Это обусловило возникновение скептической позиции М.М. Маркла, по мнению которого при Филиппе воины македонской фаланги вооружались обычными гоплитскими копьями, а сариссы стали использовать лишь в период правления Александра. В соответствии со своей концепцией М.М. Маркл идентифицировал упоминаемые применительно к битве при Херонее «сариссы» как копья македонской кавалерии, уничтожившей «Священный отряд»¹⁶. Рассматривая последний из аргументов, следует заметить, что приписывание разгрома «Священного отряда» исключительно коннице малообоснованно и противоречит другим, более распространенным вариантам реконструкции знаменитой битвы, по которым фиванская пехота была разбита или силами македонских фалангитов, использовавших превосходство своих сарисс в длине¹⁷, или совместными действиями тяжеловооруженных пехотинцев и кавалерии, осуществившей фланговую атаку¹⁸. Каждая из этих версий подразумевает, что сариссы, пронзавшие бойцов «Священного отряда», вероятнее всего, принадлежали македонской пехоте. Кроме того, говоря об особенностях отражения проблемы в источниках необходимо указать на присутствие в письменном наследии нередко упускаемого из виду фрагмента, свидетельствующего о достаточно раннем включении сарисс в комплекс вооружения македонских фалангитов. Он содержится в сочинении Полиэна, согласно которому во время проводившихся при Филиппе учебных походов македоняне несли шлемы (κράνη), пельты (πέλτας), поножи (κινημίδας) и сариссы (σαρίσας) (IV. 2. 10). В контексте рассматриваемой проблемы важно, что информация Полиэна близка к рассказу Диодора о начальном этапе правления Филиппа, где описываются снабжение македонян вооружением, создание фаланги и тренировки (XVI. 3. 1–2), а также к одной из стратегем Фронтинна, который, говоря о мероприятиях, связанных с первым сбором войска при Филиппе, упоминает реформу обоза и приучение воинов к переноске грузов на себе (Strat. IV. 1. 6). Как убедительно показал Н. Хэммонд, эти сообщения не только посвящены одной проблеме, но и стилистически схожи как между собой, так и с известными ныне фрагментами сочинения Эфора, чей рассказ о первых мероприятиях Филиппа, видимо, и выступил первоисточником данных во всех трех случаях¹⁹. К данному блоку информации следует присовокупить сообщения о первом сражении Филиппа с иллирийцами, оставленные уже упомянутыми Диодором (XVI. 4. 5–7) и Фронтинном (Strat. II. 3. 2), которые не противоречат друг другу и, видимо, также опираются на наследие Эфора²⁰. Согласно этим свидетельствам, в битве, произошедшей в 358 г. до н.э., то есть спустя всего лишь год после прихода Филиппа к

¹⁶ Markle 1978, 488–497. Позже с этим выводом согласился Ю.Н. Борза: Борза 2013, 291.

¹⁷ Rahe 1981, 85–87; Gaebel 2002, 156; Buckler, Beck 2008, 256–258.

¹⁸ Burn 1964, 40–41; Hammond 1980, 62; Anson 2020, 70–71; Сивкина, Новосильнов 2021, 1606. Вывод о комбинированной атаке с активным участием конницы на основании анализа повреждений, выявленных у захороненных участников битвы, см.: Ма 2008, 74–76.

¹⁹ См. Hammond 1980, P. 56. Примечательно, что аналогичный вывод о происхождении рассказа Диодора сделал М.М. Маркл (Markle 1978, 484).

²⁰ Hammond 1937, 851; Lane Fox 2011, 343.

власти, решающую роль сыграли лучшие македонские пехотинцы, являвшиеся, вероятно всего, сариссофорами²¹.

2. ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ САРИССЫ

Достаточно непросто определить, как именно появилась такая необычная и важная часть арсенала армии Филиппа и Александра, как сарисса. При обращении к данному вопросу часто и вполне закономерно акцентируется внимание на преобразованиях афинского полководца Ификрата в области пехотного вооружения, известных по сообщениям Диодора и Корнелия Непота. Так, первый из упомянутых писателей указывает, что Ификрат отказался от бытовавших у греков больших щитов и снабдил воинов пельтами (πέλτας), прикрывавшими тело, но позволявшими быть подвижным. Как отмечается, благодаря этому воины, ранее называвшиеся «гоплитами», стали именоваться «пельтастами» (πέλτασταί). Особенно интересно сообщение об осуществленном Ификратом увеличении длины копий в полтора раза (δώραта ἡμιολίῳ μεγέθει), помимо которого упоминается почти двукратное увеличение длины мечей и введение обуви, названной «ификратидами» (см. Diod. XV. 44. 1–4). В латиноязычной работе Непота также есть указание на отказ от прежних больших щитов и появление «пельтастов» (peltastae), однако отмечается, что мечи Ификрат сделал длиннее, а копья увеличил вдвое (hastae modum duplicavit). Кроме того, римский автор пишет о замене плетеных и медных панцирей на льняные (linteas), в итоге отмечая повышение боеспособности воинов из-за наличия у них легкого и надежного снаряжения (см. Nep. 11. 1. 3–4). Так как период военно-политической деятельности Филиппа сравнительно близок ко времени полководческой активности Ификрата, а реформы последнего подразумевали удлинение копий и внедрение щитов-пельт, предположение об использовании македонским царем-реформатором идей афинянина получило большое распространение в историографии²². Тем не менее принять мнение об очевидной преемственности между македонскими пешими сариссофорами и новыми пельтастами Ификрата не представляется возможным. Главной причиной этого является состояние источниковой базы: о реформах Ификрата сообщают только два указанных выше фрагмента сравнительно поздних сочинений, которые, предположительно, со значительными искажениями передают сведения Эфора, в то время как других письменных свидетельств о преобразованиях и их последствиях нет²³. Из-за этого сложно определить и содержание, и значение реформ Ификрата. С одной стороны, существует достаточно оптимистическая позиция, подразумевающая, что приписываемые афинскому военачальнику преобразования имели место в реальности и сказались на практике ведения войн в Греции, так как привели либо к перевооружению значительной части греческих наемников, либо к

²¹ Errington 1990, 40; Billows 1995, 14; Buckler 2003, 391; Anson 2010, 63; Bardunias, Ray 2016, 149. Более осторожное, но подтверждающее показательный характер победы Филиппа мнение см.: Ellis 1976, 58.

²² К примеру: Burn 1965, 141; Anderson 1970, 131; Sekunda 2007, 329; Sears 2019, 154, 160; Жеков 2008, 37–38. Отдельное можно упомянуть осторожную позицию Г.Т. Гриффита, который назвал связь между преобразованиями Филиппа и Ификрата возможной, но не обязательно решающей (см. Griffith 1981, 164–165).

²³ Stylianou 1998, 343–345.

формированию отдельного контингента «солдат удачи», проявившего себя в межполюсных войнах²⁴. По мнению второй группы специалистов, Ификрат провел свои реформы во время службы персам в период одной из египетских кампаний и сколь-нибудь значительного влияния на военные события в континентальной Греции его преобразования не оказали²⁵. Согласно наиболее критической позиции, сообщения о реформе, не упоминаемой в хронологически синхронных источниках, появились вследствие непонимания более поздними авторами военных реалий IV в. до н.э., а само создание нового комплекса пехотного вооружения в действительности не произошло²⁶. Иными словами, нельзя исключать вероятность того, что реформ Ификрата в описываемом варианте не было или же они имели локальный характер, а значит, вряд ли могли быть хорошо известны молодому Филиппу. Кроме того, ни в одном из источников, затрагивающих реформы Ификрата или действия афинских и иных наемников, не упоминается такая важная новация, как двуручный хват копья. Это позволяет присоединиться к выводу, согласно которому перевооруженные пехотинцы Ификрата в случае их реального существования держали свои удлиненные копья сообразно греческим традициям в одной руке²⁷. Соответственно, видеть в этом оружии близкий аналог македонской сариссы нельзя.

Еще большим количеством слабых сторон обладает концепция, в наиболее полном виде сформулированная К.А. Мэттью, который, считая фалангу вооруженных двуручными «пиками» воинов изобретением Ификрата, предположил, что она стала частью македонской военной практики еще до Филиппа II, в эпоху правления его отца Аминты III или брата Александра II²⁸. Это предположение обладает не только всеми недостатками версии о прямой связи сариссы и длинных копий Ификрата, но и другими существенными изъянами. Так, оно противоречит восходящему к Эфору сообщению Диодора (XVI. 3. 2), назвавшего Филиппа первым создателем македонской фаланги (πρώτος συνεστήσατο τῆν Μακεδονικὴν φάλαγγα), и плохо соотносится с самим ходом военной истории дофилипповского времени, на всем протяжении которого македонская пехота себя достойным образом не проявляла. Особо примечателен полный разгром армии Пердикки III иллирийцами в 360/359 г. до н.э. Эта катастрофа, непосредственно предшествовавшая приходу Филиппа к власти и побудившая его к строительству новой армии, свидетельствует если не об отсутствии значимых военных преобразований в предшествующее время, то как минимум об их неудовлетворительных результатах²⁹.

Другая попытка выявить греческие корни македонской сариссы основана на часто репрезентируемой в источниках информации о пребывании молодого Филиппа в качестве заложника в Фивах и его знакомстве с местным военным опытом (см. Diod. XVI. 2. 2; Just. VII. 5. 1; Plut. Pelop. 26), очевидно, восходящей к рассказам сразу нескольких ранних авторов³⁰. Эти явные и, очевидно, вполне до-

²⁴ См. Lippelt 1910, 65–67; Pritchett 1974, 117–125; Yalichev 1997, 161; Маринович 1975, 46–50; Парк 2013, 97–100; Нефёдкин 2018, 34–38.

²⁵ Anderson 1970, 129–131; Stylianos 1998, 343–345; Bardunias, Ray 2016, 149; Жеков 2021, 91.

²⁶ Best 1969, 102–110; Trundle 2004, 51.

²⁷ Everson 2004, 174.

²⁸ Matthew 2015, 27. Близкий, но не столь развернутый вывод см.: Noguera Borel 1996, 839.

²⁹ Roisman 2010, 162.

³⁰ Hammond 1997, 355–356.

стоверные указания на использование Филиппом беотийских военных наработок привели к появлению предположения о заимствовании идеи сариссы у фиванцев, соответственно, во времена Эпаминонда использовавших аналогичные длинные копья³¹. Данная гипотеза в еще большей степени малоубедительна, так как об особых фиванских копьях не сообщает ни один из античных авторов, причем о столь важном новшестве молчат Ксенофонт, крайне предвзято относившейся к Эпаминонду, но вполне способный отдать должное военным решениям беотийского лидера³², и Плутарх, хорошо информированный земляк и явный поклонник Эпаминонда и Пелопида³³. Совокупность имеющихся данных свидетельствует, что новаторство Эпаминонда было связано с тактикой применения войска, а не с вооружением гоплитов, являвшимся в армии великого фиванца вполне традиционным³⁴. Соответственно, по этим основаниям предположение о фиванских «сариссах» следует отменить как сугубо умозрительное.

Присутствуют попытки выявить и фракийские корни двуручных македонских копий. В данном случае обращается внимание на один из комментариев Дидима к речам Демосфена, где упоминается, что Филипп во время войны с трибаллами был ранен в бедро «сариссой» (σάρισσόν) (см. D. Col. 13. 3–7). Информацию об этом инциденте, имевшем место в 339 г. до н.э., с иными деталями приводит Юстин, по версии которого Филипп во время боя с трибаллами был ранен в бедро оружием, прошедшим сквозь тело и убившим под царем коня (IX. 3. 2). Согласно Плутарху (Moral. 331b) Филипп в землях трибаллов был ранен в бедро «древковым оружием» (λόγχη) и остался хромым. Этот блок сведений может быть обозначен как вполне достоверный и восходящий к ранним авторам в лице Марсия и Феопомпа³⁵. Факт заметной хромоты Филиппа из-за ранения был известен и Сатиру Перипатетику (см. Athen. VI. 248f–249a). На основании присутствия в сообщении Дидима упоминания сариссы было высказано предположение о введении данной разновидности пехотного копья в военный оборот фракийцами, у которых Филипп и перенял новое оружие для своих фалангитов³⁶.

Рассматривая обоснованность этого заключения, прежде всего, необходимо обратить внимание на присутствующие в историографии иные трактовки эпизода, ставшие возможными из-за крайне расплывчатых описаний произошедшего. Так, последнее обстоятельство и упоминание характерного для македонского войска вооружения подтолкнули П.Ф. Фукара к выводу о случайном ранении Филиппа одним из его воинов³⁷. По мнению М.М. Маркла, монарх был поражен фракийским всадником, использовавшим кавалерийскую разновидность сариссы, вскоре

³¹ Коннолли 2000, 51.

³² См. Westlake 1975, 37–39; Hanson 1988, 201–203; Flower 2017, 308.

³³ Westlake 1939, 22; Кутергин 1991, 11–13.

³⁴ См. об этом: Snodgrass 1967, 111; Hanson 1999, 126; Mattew 2015, 36. Данное заключение не вступает в противоречие и с ревизионистской концепцией Р. Конейндейка, в соответствии с которой полководческие решения Эпаминонда не носили по-настоящему революционный характер и в целом вписывались в тактику применения гоплитских армий, где и ранее отсутствовала шаблонность, а военачальники стремились использовать слабые стороны диспозиции противника (см. Konijnendijk 2017, 218–224).

³⁵ См. Foucart 1906, 120–121; Hammond 1991, 503.

³⁶ Head 1982, 105; Webber 2001, 39.

³⁷ Foucart 1906, 120–121.

введенную как предмет экипировки македонской конницы³⁸. Эти варианты трактовок считать убедительными не позволяет характер ранения, сообщения о котором последовательны и вполне достоверно описывают картину очень тяжелого повреждения³⁹. Подобный сильный копейный удар, пробивший насквозь бедро Филиппа и убивший под ним лошадь, очевидно, был хорошо выверен и нанесен человеком, крепко державшим оружие и стоявшим на твердой поверхности. С особенностями пехотной сариссы в виде двуручного хвата и хорошо проникающего наконечника это вполне коррелирует. Мало того, версия с «трибалльской сариссой» хорошо сочетается с фактом широкого использования фракийцами ударных копий, фиксируемым в иных письменных материалах и изобразительных источниках⁴⁰. Впрочем, подкрепить предположение о фракийских корнях сариссы данными археологии на настоящий момент нельзя. Присутствие сариссы в арсенале фракийцев во второй половине IV в. до н.э. подтверждается некоторыми находками, однако практически полная идентичность обнаруженных экземпляров некоторым предполагаемым македонским образцам того времени, скорее, свидетельствует не о принятии македонянами фракийского оружия, а об обратном влиянии⁴¹. Кроме того, сомнения вызывает сама возможность изобретения во Фракии столь длинного копья, эффективного лишь в плотных боевых порядках, но практически бесполезного, если столкновение проходит вне строя⁴². Как справедливо отметил еще А. Фол, никаких письменных и археологических данных о наличии у фракийцев классического времени фаланги, аналогичной македонской, нет⁴³.

Неоднозначный характер рассмотренных выше концепций позволяет считать по-прежнему актуальным мнение, согласно которому сарисса была изобретена в Македонии в начале правления Филиппа II⁴⁴. Одним из важных аргументов в пользу данного вывода является характер самого понятия. Как убедительно показал А. Ногера Борель, лексема *σάρισσα/σάρισα* в македонском диалекте изначально служила для обозначения любого древкового оружия и лишь после завоевания македонской фалангой ее грозной репутации стала использоваться преимущественно для наименования длинных двуручных копий⁴⁵. Иначе говоря, знаменитое оружие фалангитов обозначалось сугубо македонским, а не заимствованным термином, при этом чуждое для македонского военного глоссария слово, скорее всего, изначально отсутствовало: согласно основным принципам взаимодействия традиционной и заимствованной лексики, чужое понятие, как правило, усваивается для устранения полисемии исконного слова и удовлетворения потребности в уточнении соответствующего понятия⁴⁶. Еще одним доводом является практически идеальное соответствие боевых характеристик сариссы и, соответственно, фаланги сариссофоров, общей ситуации первых лет правления Филиппа, который должен был в условиях переживающего тяжелый кризис царства Аргеадов бы-

³⁸ Markle 1978, 490.

³⁹ Riginos 1994, 116–117.

⁴⁰ См. Best 1969, 5–7.

⁴¹ Stoyanov 2015, 428.

⁴² Ashley 1998, 36–37; English 2009, 43–44; Mattew 2015, 182; Taylor 2021, 97.

⁴³ Фол 1969, 61–62.

⁴⁴ См. Griffith 1979, 421; Hammond 1989b, 100–102; Gabriel 2010, 62–64.

⁴⁵ Noguera Borel 1996, 845–850.

⁴⁶ Подробнее см.: Крысин 2004, 27–28.

стро создать силу, способную противостоять иллирийским войскам, преимущественно состоявшим из пеших копейщиков⁴⁷. Именно тогда Филипп и внедрил в военный оборот более глубокий по сравнению с греческой фалангой строй вооруженных сариссами пехотинцев, имевших возможность поражать противника на недоступной для последнего дистанции. Эффективность этой формации зависела исключительно от слаженности действий бойцов и потому не требовала долгой и затратной индивидуальной подготовки, что для нового правителя Македонии должно было играть немалую роль⁴⁸. Вдобавок к этому, преимущество сариссофоров в дальности воздействия позволяло им использовать более легкий набор доспехов, благодаря чему оснащение войска не влекло за собой больших затрат, а фаланга стала гораздо мобильнее и потому лучше приспособлена для сражений с подвижными отрядами соседних «варваров»⁴⁹. В соотношении со знаменитыми принципами «бритвы Оккама» столь хорошее соответствие особенностей нового пехотного вооружения военным, социально-демографическим и экономическим условиям следует связать именно с целенаправленным созданием, а не с чрезвычайно удачным и удивительно своевременным заимствованием оружия, оказавшегося слабо востребованным у своих «настоящих творцов».

О процессе изобретения нового варианта копья сложно сказать что-то определенное. В ряде случаев исследователи акцентируют внимание на сообщении Дидора, согласно которому Филипп создал фалангу в подражание прикрытому щитами строю троянцев (XVI. 3. 2). Так, существует предположение, что практика времен легендарной троянской войны действительно повлияла на реформы Филиппа, побудив македонского царя внедрить новый щит, крепившийся на перевязи и позволявший пехотинцам держать копье обеими руками⁵⁰. Этот вывод подразумевает обращение македонского реформатора и его окружения к упоминаемым в «Илиаде» щитам, для переноски которых использовались ремни (τέλαμῶν), иногда описываемые в великой поэме детально (см. *Iliad*. XI. 38; XVI. 803; XVIII. 480). По другой версии, изображенные в том же эпическом произведении плотные порядки ахейцев подтолкнули Филиппа к идее более тесного пехотного построения, ставшего возможным из-за уменьшения размера щитов⁵¹. Впрочем, полностью полагаться на факт связи реформ Филиппа и реалий гомеровского мира нельзя, так как сообщение об этом могло возникнуть в результате осуществленного Эфором сугубо литературного сравнения облика македонской фаланги и описанных в «Илиаде» пехотных порядков⁵². При поиске отправной точки новации также отмечается традиционно хорошее знакомство македонян с одним из вариантов древкового вооружения. Как показывают переданные Афинеем сведения Гегесистрата, важное место в македонских обычаях, связанных с инициацией, занимала охота с копьем на дикого кабана (*Athen*. I. 18a). Обстоятельства наказания юноши Гермолая, убившего на охоте кабана, предназначенного для Александра (см. *Arr. Anab.* IV. 13. 2; *Curt.* VIII. 6. 7–8), также подтверждают большое общественное значение

⁴⁷ См.: Hammond 1989a, 1–2; Ashley 1998, 18; Ray 2012, 95.

⁴⁸ См. об этом: Anson 2010, 63–65; Gabriel 2010, 63; Mattew 2015, 192–194.

⁴⁹ Ellis 1976, 56; Griffith 1979, 424; Борза 2013, 265.

⁵⁰ Lendon 2005, 124; Gabriel 2010, 65.

⁵¹ Sears 2019, 153.

⁵² Markle 1978, 484.

этой практики⁵³. Соответственно, некоторые из исследователей считают прообразом введенных Филиппом сарисс тяжелые македонские охотничьи копья⁵⁴. Это предположение, не лишенное определенного изящества, также является сугубо гипотетическим. Следует заметить, что обозначение сариссы как собственно македонского нововведения вовсе не отрицает наличия некоторого внешнего влияния на процесс создания этой разновидности копья. Возможно, появление сариссы было обусловлено сочетанием многих факторов. Это отнюдь не является доводом в пользу компромиссной позиции Э.М. Энсона, который, отметив использование длинных копий и фракийцами, и воинами Ификрата, констатировал, что Филипп мог наблюдать преимущества, предоставляемые новым оружием, но именно македонский царь стал максимально эффективно использовать своих «пикинеров», может быть, не сильно отличавшихся от аналогичных воинов из соседних стран⁵⁵. В данном случае важно обратить внимание на отсутствие убедительных доказательств более раннего присутствия полностью аналогичного сариссе оружия и в Греции, и во Фракии. Филипп, возможно, осознал сильные стороны вооруженных удлинненными копьями и легко экипированных пехотинцев благодаря рассказам о реформе Ификрата, потенциально мог подсмотреть у фракийцев кое-что из практики применения древкового оружия, однако основные черты сариссы в виде очень большой длины, двуручного хвата и хорошо проникающего наконечника получили оформление именно на македонской почве и были напрямую связаны с новым вариантом фаланги, являвшимся ответом на стоявшие перед монархией Аргеадов вызовы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая вышеизложенное, нельзя не признать, что рассмотрение проблемы внедрения сариссы в македонский военный обиход осложнено многочисленными «белыми пятнами», а выявляемые посредством анализа ограниченной источниковой базы факты редки и неоднозначны. Тем не менее можно отметить наибольшую обоснованность выводов о появлении сариссы на вооружении македонских пехотинцев в первые годы правления Филиппа. Часто встречающиеся в историографии предположения, согласно которым македонский реформатор заимствовал этот тип копья в уже готовом виде благодаря знакомству с новаторскими наработками Ификрата или фракийской военной практикой, чрезвычайно уязвимы для критики. Это не позволяет лишить Филиппа и его ближайшее окружение лавров настоящих создателей и знаменитой македонской фаланги, и ее грозного оружия, внесшего немалый вклад в первую победу македонского царя над иллирийцами, а затем помогшего царству Аргеадов завоевать господство на Балканском полуострове и создать «мировую» державу Александра.

⁵³ Briant 1994, 306; Carney 2015, 269.

⁵⁴ Gabriel 2010, 65; Anson 2020, 50; Грэйнджер 2010, 58–59.

⁵⁵ Anson 2010, 65–66.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Anderson, J.K. 1970: *Military Theory and Practice in the Age of Xenophon*. Berkeley–Los Angeles.
- Anderson, J.K. 1976: Shield of Eight Palms' Width. *CSCA* 9, 1–6.
- Andronicos, M. 1970: Sarissa. *BCH* 94.1, 91–107.
- Anson, E.M. 2010: The Introduction of the 'Sarisa' in Macedonian Warfare. *AS* 40, 51–68.
- Anson, E.M. 2020: *Philip II, the Father of Alexander the Great: Themes and Issues*. London–New York.
- Ashley, J.R. 1998: *The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC*. Jefferson.
- Bardunias, P.M., Ray, F.E. 2016: *Hoplites at War: A Comprehensive Analysis of Heavy Infantry Combat in the Greek World, 750–100 BCE*. Jefferson.
- Best, J.G.P. 1969: *Thracian Peltasts and Their Influence on Greek Warfare*. Groningen.
- Billows, R.A. 1995: *Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism*. Leiden–New York.
- Borza, E.N. 2013: *Istoriya antichnoy Makedonii (do Aleksandra Velikogo)* [*The History of Ancient Macedonia (Before Alexander the Great)*]. Saint Petersburg.
- Борза, Ю.Н. 2013: *История античной Македонии (до Александра Великого)*. Санкт-Петербург.
- Bosworth, A.B. 1988: *Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great*. Cambridge.
- Briant, P. 1994: Sources gréco-hellénistiques, institutions perses et institutions macédoniennes: continuités, changements et bricolages. In: A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg, M.C. Root (eds.), *Achaemenid History*. Vol. VII. *Continuity and Change*. Leiden, 283–310.
- Buckler, J. 2003: *Aegean Greece in the Fourth Century BC*. Leiden–Boston.
- Buckler, J., Beck, H. 2008: *Central Greece and the Politics of Power in the Fourth Century BC*. Cambridge–New York.
- Burn, A.R. 1964: *Alexander the Great and the Hellenistic World*. London.
- Burn, A.R. 1965: The Generalship of Alexander. *GR* 12.2, 140–154.
- Campbell, D.B. 2016: How long was the Macedonian Sarissa? An obscure debate over a very long spear. *Ancient Warfare* 8.3, 48–52.
- Carney, E.D. 2015: *King and Court in Ancient Macedonia: Rivalry, Treason and Conspiracy*. Swansea.
- Cascarino, G. 2011: *Tecnica della Falange*. Rome.
- Champion, J. 2009: *Pyrrhus of Epirus*. Barnsley.
- Connolly, P. 2000: *Gretsiya i Rim. Ehntsiklopediya voennoy istorii* [*Greece and Rome. Encyclopedia of Military History*]. Moscow.
- Коннолли, П. 2000: *Греция и Рим. Энциклопедия военной истории*. Москва.
- Ducrey, P. 1985: *Guerre et guerriers dans Grèce antique*. Fribourg.
- Ellis, J.R. 1976: *Philip II and Macedonian Imperialism*. Princeton.
- English, S. 2009: *The Army of Alexander the Great*. Barnsley.
- Errington, R.M. 1990: *A History of Macedonia*. Berkeley–Los Angeles.
- Everson, T. 2004: *Warfare in Ancient Greece*. Stroud.
- Flower, M.A. 2017: Xenophon as a Historian. In: M.A. Flower (ed.), *The Cambridge Companion to Xenophon*. Cambridge, 301–322.
- Fol, A. 1969: *Trakiysko voenno izkustvo* [*Thracian Art of War*]. Sofia.
- Фол, А. 1969: *Тракийско военно изкуство*. София.
- Foucart, P.F. 1906: *Étude sur Didymos d'après un papyrus de Berlin*. Paris.
- Gabriel, R.A. 2010: *Philip II of Macedonia: Greater than Alexander*. Washington.
- Gabel, R.E. 2002: *Cavalry Operations in the Ancient Greek World*. Norman.

- Grainger, J.D. 2010: *Imperiya Aleksandra Makedonskogo. Krushenie velikoy derzhavy* [The Empire of Alexander the Great. Collapse of the Great State]. Moscow.
- Грэйнджер, Дж.Д. 2010: *Империя Александра Македонского. Крушение великой державы*. Москва.
- Griffith, G.T. 1979: The Reign of Philip the Second. In: N.G.L. Hammond, G.T. Griffith (eds.), *A History of Macedonia*. Vol. II. 550–336 B.C. Oxford, 201–646.
- Griffith, G.T. 1981: Peltasts, and the Origins of the Macedonian Phalanx. In: H.J. Dell (ed.), *Ancient Macedonian Studies in Honor of Charles F. Edson*. Thessaloniki, 161–167.
- Hammond, N.G.L. 1937: The Sources of Diodorus Siculus XVI. *CQ* 31.2, 79–91.
- Hammond, N.G.L. 1980: Training in the Use of a Sarissa and its Effect in Battle, 359–333 B.C. *Antichthon* 14, 53–63.
- Hammond, N.G.L. 1989a: The Battle between Philip and Bardylis. *Antichthon* 23, 1–9.
- Hammond, N.G.L. 1989b: The Macedonian State: Origins, Institutions and History. Oxford.
- Hammond, N.G.L. 1991: The Sources of Justin on Macedonia to the Death of Philip. *CQ* 41.2, 496–508.
- Hammond, N.G.L. 1994: *Philip of Macedon*. London.
- Hammond, N.G.L. 1997: What May Philip Have Learnt as a Hostage at Thebes? *GRBS* 48.4, 355–372.
- Hanson, V.D. 1988: Epameinondas, the Battle of Leuktra (371 B.C.), and the “Revolution” in Greek Battle Tactics. *CA* 7.2, 190–207.
- Hanson, V.D. 1999: *The Wars of the Ancient Greeks and Their Inventions of Western Military Culture*. London.
- Head, D. 1982: *Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC*. Goring-By-Sea.
- Heckel, W., Jones, R. 2006: *Macedonian Warrior. Alexander's Elite Infantryman*. Oxford.
- Karunanithy, D. 2013: *The Macedonian War Machine: Neglected Aspects of the Armies of Philip, Alexander and the Successors 359–281 BC*. Barnsley.
- King, C.J. 2017: *Ancient Macedonia*. London–New York.
- Konijnendijk, R. 2017: *Classical Greek Tactics: A Cultural History*. Leiden–Boston.
- Krysin, L.P. 2004: *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [The Russian Word, One's Own and Another's: Research on the Modern Russian Language and Sociolinguistics]. Moscow.
- Крысин, Л.П. 2004: *Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике*. Москва.
- Kutergin, V.F. 1991: *Beotiytskiy soyuz v 379 – 335 gg. do n.e.: Istoricheskiy ocherk* [The Boeotian Union in 379–335 BC: Historical essay]. Saransk.
- Кутергин, В.Ф. 1991: *Беотийский союз в 379 – 335 гг. до н.э.: Исторический очерк*. Саранск.
- Kuzmin, Yu.N. 2010: Zametki o shhitakh “makedonskogo tipa”: literaturnaya traditsiya, arkhologiya, ehpigrafika [Notes on “Macedonian type” shields: literary tradition, archaeology, epigraphy]. *Voin* [Warrior] 13, 2–6.
- Кузьмин, Ю.Н. 2010: Заметки о щитах «македонского типа»: литературная традиция, археология, эпиграфика. *Воин* 13, 2–6.
- Lane Fox, R. 2011: Philip of Macedon: Accession, Ambitions, and Self-Presentation. In: R. Lane Fox (ed.), *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC–300 AD*. Leiden–Boston, 367–391.
- Lee, J.W. 2001: Urban Combat at Olynthos, 348 B.C. In: P.W.M. Freeman, A. Pollard (eds.), *Fields of Conflict: Progress and Prospect in Battlefield Archaeology*. Oxford, 11–22.
- Lendon, J.E. 2005: *Soldiers and Ghosts: A History of Battle in Classical Antiquity*. New Haven–London.
- Liampi, K. 1998: *Der makedonische Schild*. Bonn.
- Lippelt, O. 1910: *Die griechischen Leichtbewaffneten bis auf Alexander den Großen*. Jena.

- Ma, J. 2008: Chaironeia 338: Topographies of Commemoration. *JHS* 128, 72–91.
- Marinovich, L.P. 1975: *Grecheskoe naemnichestvo IV v. do n. eh. i krizis polisa* [*The Fourth-Century BC Greek Mercenary and Crisis of the Polis*]. Moscow.
- Маринович, Л.П. 1975: *Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса*. М.
- Markle, M.M. 1977: The Macedonian Sarissa, Spear, and Related Armor. *AJA* 81.3, 323–339.
- Markle, M.M. 1978: Use of the Macedonian Sarissa by Philip and Alexander. *AJA* 82.4, 483–497.
- Markle, M.M. 1982: Macedonian Arms and Tactics under Alexander the Great. In: B. Barr-Sharrar, E.N. Borza (eds.), *Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times*. Washington, 86–111.
- Matthew, C.A. 2012: The Length of the Sarissa. *Antichthon* 46, 79–100.
- Mattew, C.A. 2015: *An Invincible Beast: Understanding the Hellenistic Pike-phalanx at War*. Barnsley.
- Mixter, J.R. 1992: The Length of the Macedonian Sarissa during the Reigns of Philip II and Alexander the Great. *AncW* 23.2, 21–29.
- Nefedkin, A.K. 2018: Ifikratovy pel'tasty – perevooruzhennyye goplity [Iphicrates' peltasts were re-armed hoplites]. *Parabellum novum* 8 (41), 18–38.
- Нефёдкин, А.К. 2018: Ификратовы пельтасты – перевооруженные гоплиты. *Parabellum novum* 8 (41), 18–38.
- Noguera Borel, A. 1996: L'évolution de la phalange macédonienne: le cas de la sarisse. In: *Ancient Macedonia 6. Sixth International Symposium*. Vol. 2. Thessaloniki, 839–850.
- Parke, H.W. 2013: *Grecheskie naemniki. "Psy voyny" drevney Ehllady* [*Greek Mercenaries. "Dogs of War" of Ancient Hellas*]. Moscow.
- Парк, Г.У. 2013: *Греческие наемники. «Псы войны» древней Эллады*. М.
- Pritchett, W.K. 1971: *The Greek State at War*. Pt. I. Berkeley–Los Angeles.
- Pritchett, W.K. 1974: *The Greek State at War*. Pt. II. Berkeley–Los Angeles.
- Rahe, P.A. 1981: The Annihilation of the Sacred Band at Chaeronea. *AJA* 85.1, 84–87.
- Ray, F.E. 2012: *Greek and Macedonian Land Battles of the 4th Century B.C.* Jefferson.
- Riginos, A.S. 1994: The Wounding of Philip II of Macedon: Fact and Fabrication. *JHS* 114, 103–119.
- Robinson, D.M. 1941: *Excavations at Olynthus*. Pt. X. *Metal and Minor Miscellaneous Finds*. Baltimore.
- Roisman, J. 2010: Classical Macedonia to Perdiccas III. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Oxford, 145–165.
- Rüstow, W., Köchly, H. 1852: *Geschichte des griechischen Kriegswesens von der ältesten Zeit bis auf Pyrrhus*. Aarau.
- Sears, M.A. 2019: *Understanding Greek Warfare*. London–New York.
- Sekunda, N. 2001: The Sarissa. *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Archaeologica* 23, 13–41.
- Sekunda, N. 2007: The Hellenistic World and the Roman Republic: Land forces. In: P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby (eds.), *The Cambridge History of Greek and Roman Warfare*. Vol. I. Cambridge, 325–357.
- Sivkina, N.Y., Novosilnov, A.S. 2021: Uchastie konnitsy v bitve pri Kheronee 338 g. do n. eh. [The Cavalry's participation in the 338 BC Battle of Chaeronea]. *Manuscript* 14.8, 1603–1607.
- Сивкина, Н.Ю., Новосильнов, А.С. 2021: Участие конницы в битве при Херонее 338 г. до н.э. *Манускрипт* 14.8, 1603–1607.
- Snodgrass, A.M. 1967: *Arms and Armor of the Greeks*. Ithaca–New York.
- Sotiriades, G. 1903: Das Schlachtfeld von Chäronea und der Grabhügel der Makedonen. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung* 28, 301–330.
- Stoyanov, T. 2015: Warfare. In: J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger (eds.), *A Companion to Ancient Thrace*. Malden–Oxford, 426–442.
- Stylianou, P.J. 1998: *A Historical Commentary on Diodorus Siculus Book 15*. New York.

- Tarn, W.W. 1930: *Hellenistic Military and Naval Developments*. Cambridge.
- Taylor, R. 2021: *The Greek Hoplite Phalanx: The Iconic Heavy Infantry of the Classical Greek World*. Barnsley.
- Trundle, M. 2004: *Greek Mercenaries: from the late archaic period to Alexander*. London–New York.
- Webber, C. 2001: *The Thracians 700 BC – AD 46*. Oxford.
- Westlake, H.D. 1939: The Sources of Plutarch's Pelopidas. *CQ* 33.1, 11–22.
- Westlake, H.D. 1975: Xenophon and Epaminondas. *GRBS* 16.1, 23–40.
- Yalichev, S. 1997: *Mercenaries of the Ancient World*. London.
- Zhekov, Zh. 2008: Peltasti i pedzetayri [Peltast and Pedzetayrs]. *Balkanite – ezik, istoriya, kultura. Mezhdunarodna nauchna konferentsiya [The Balkans – Language, History, Culture. International Scientific Conference]*. Veliko Tarnovo, 31–39.
- Жеков, Ж. 2008: Пелтасти и педзетайри. *Балканите – език, история, култура. Международна научна конференция*. Велико Търново, 31–39.
- Zhekov, Zh. 2021: Peltastite v antichnata narativna traditsiya [Peltasts in the ancient narrative tradition]. *Jubilaeus* 8.1, 83–96.
- Жеков, Ж. 2021: Пелтастите в античната наративна традиция. *Jubilaeus* 8.1, 83–96.

THE INTRODUCTION OF THE SARISSA IN MACEDONIAN MILITARY PRACTICE

Aleksandr A. Kleymenov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru

The article examines the time and circumstances of the introduction of the sarissa into use on the Macedonian phalanx. This type of infantry spear was significantly longer than the traditional hoplite polearm, giving the wielder an advantage in striking range. Moreover, the sarissa required a two-handed grip, unusual for Hellenic military practice, and a transition to the use of a new version of the shield. The process of introducing the sarissa is very sparingly covered in written sources and, due to the lack of detailed descriptions of this weapon, cannot be reliably traced in archaeological materials. However, it has been established that the assumption that the sarissa appeared in the arsenal of the Macedonian infantry only towards the end of the reign of Philip II is unfounded. According to information going back to the lost work of Ephorus, sarissas were part of the equipment of Philip's phalangists already at the initial stage of his reign. This conclusion correlates well with the circumstances of Philip's first victory over the Illyrians, achieved, according to sources, with the help of selected infantry units. Consideration of information about Iphicrates' reform, which involved arming mercenaries with longer spears, shows that there are convincing reasons to consider the Athenian commander the real creator of the sarissa. A similar conclusion is drawn regarding the hypothesis that Philip borrowed a long two-handed spear from the Thracians. Its obvious disadvantages are the lack of convincing archaeological evidence and poor compliance with the peculiarities of the military art of the Thracians, who had no analogue to the Macedonian phalanx and had virtually no need for bulky weapons, which could only be effective in dense battle formations. These sources, the result of terminological analysis taking into account the conditions and circumstances of the creation of the new Macedonian "military machine," allow us to conclude that the most reasonable is the opinion that the sarissa was created in the Argead kingdom during the initial stage of Philip's military reform.

Keywords: sarissa, phalanx, Philip II, Macedonia, Alexander the Great, Iphicrates, Thracians